23. *Шампань П.* Делать мнение: новая политическая игра. М., 1997.
24. [Электронный ресурс]. URL: http://lenta. ru/conf/tvjournalism/ (дата обращения: 28.01.2011).

Статья поступила в редакцию 15.01.2011 г.

УДК 070.432 + 316.485.26 + 327.56 **В. М. Амиров**

ЖУРНАЛИСТИКА ПЕРЕДНЕГО КРАЯ

Рассматривается практика обучения студентов приемам сбора и проверки информации в условиях боевых действий.

К л ю ч е в ы е с л о в а: журналистика, война, конфликт, военный корреспондент.

Журналистика вооруженных конфликтов как научно-практическое направление всегда являлась одной из визитных карточек журфака Уральского государственного университета. Она преподавалась в различных учебных формах и стандартах и была одной из самых популярных и востребованных дисциплин едва ли не со дня основания кузницы кадров уральской журналистики, что позволило вырастить многие десятки «экстремальных» корреспондентов, работавших в Афганистане и на руинах Чернобыльской АЭС, освещавших боевые действия в Ираке и Южной Осетии, передававших свои репортажи из зон разрушений в Индонезии и Китае. Были ли это «стандартные» курсы или спецсеминары, тема неизменно вызывала большой интерес у будущих журналистов, и нынешнее время не исключение. Занятия проводили С. Г. Александров, Б. С. Коган, А. И. Курасов, В. А. Чичиланов и другие замечательные преподаватели, многие из которых познавали журналистскую профессию на фронтах Великой Отечественной и знали о теме не понаслышке.

В современном понимании, когда журналистский продукт должен обладать максимумом «товарных» качеств, чтобы обеспечить СМИ лидирующие позиции на рынке, публикации из зон вооруженных конфликтов или катастроф стали особенно востребованными. Редакции все чаще снаряжают своих корреспондентов в рискованные командировки, щедро оплачивая риск и профессионализм, а «экстремальная» журналистика становится для работников пера и телекамеры одной из самых желанных и выигрышных с точки зрения статуса и заработка, специализаций газетчиков и представителей электронных средств массовой информации.

АМИРОВ Валерий Михайлович — кандидат филологических наук, доцент кафедры периодической печати Уральского государственного университета им. А. М. Горького (e-mail: vestnikva@mail.ru).

© Амиров В. М., 2011

Совершенно очевидно, что меняется и само содержание журналистики экстремальных ситуаций. Освободившись от необходимости привносить в газетный текст или телерепортаж пропагандистские элементы, СМИ получили возможность быть объективнее и аналитичнее, они стали искать новые приемы поиска и интерпретации информации, новые способы сделать материал экспрессивнее.

Преподавание курса регионального стандарта «Журналистика экстремальных ситуаций» основано сегодня на понимании того, что *это одно из направлений журналистики, в котором сбор и анализ информации для подготовки публикаций в средствах массовой информации ведется непосредственно в зонах боевых действий, этнорелигиозных и иных вооруженных конфликтов, районах чрезвычайных положений, природных и техногенных катастроф. При этом работа журналиста осложнена самой ситуацией, в которой он выполняет свои профессиональные обязанности, а также риском для его жизни и здоровья* [1, *4*].

Такое видение обусловливает выделение ряда особенностей в технологии работы журналиста, среди которых важнейшими видятся проблемы получения информации в экстремальных условиях. Рассмотрим их подробнее.

В первой группе таких проблем — ***значительные затруднения при получении необходимой информации, связанные с режимом чрезвычайной ситуации.*** Ни одна из противоборствующих сторон не заинтересована в том, чтобы средства массовой информации получили объективную информацию о причинах, характере и целях конфликта. Если речь идет о стихийном бедствии или техногенной катастрофе, то власти обычно стремятся преуменьшить масштаб происходящего с тем, чтобы уменьшить и свою предполагаемую ответственность. Правительственные органы, на которых лежит задача информирования общественности, почти всегда стараются заменить реальную информацию потоком пропагандистских заявлений или специально подготовленными материалами, призванными создать у журналиста, а позднее и у читателя или зрителя картину, удобную для пропагандистов, но весьма далекую от действительности.

Вячеслав Федоров, неоднократно побывавший в воюющей Чечне, так описывает подобную ситуацию:

> Для ежедневного информирования средств массовой информации на Зубовском бульваре в Москве был открыт Росинформцентр. Там с улыбками встречали каждого столичного и периферийного журналиста. Центр был призван правдиво и как можно более полно освещать события на Северном Кавказе. Министерство обороны внесло в работу центра свой штрих, пообещав наиболее объективным журналистам медали за боевое содружество, а уж совсем особо отличившимся — даже именное оружие. Себе же Министерство обороны отвело роль жюри в этом творческом состязании. Ну, кто же откажется послужить Отечеству за награды.... Мало кто догадывался, что журналистам была уготована хорошо просчитанная западня, из которой до сих пор им не удалось выбраться. В войска были отданы секретные приказы об ограничении контактов с журналистами, а официальными «толмачами» войны были назначены представитель Генштаба генерал Валерий Манилов, а непосредственно на войне — генерал Геннадий Трошев. Им предстояло регулярно перед телевизионными камерами «разжевывать» те официальные военные сводки, над которыми усердно работал аппарат военной цензуры [8].

Характерной в этом смысле выглядит ситуация, возникшая в Чеченской Республике во время операции, называемой в официальной печати «восстановлением конституционного порядка». Информация, поступавшая из источников, представлявших государственную власть, так же мало соответствовала действительности, как и информация, поступавшая от чеченских сепаратистов. Ожесточенные бои затрудняли работу журналистов настолько, что они были вынуждены довольствоваться в подготовке материалов видимой из окна или окопа картинкой, собирать материалы по крупицам, опираясь на рассказы очевидцев, слухи, личные впечатления от увиденного.

Вот как характеризует уровень готовности представителей СМИ к этому автор книги «Журналистика конфликта» А. Князев:

> Чеченский конфликт выявил проблемы СМИ, связанные с освещением этнополитического конфликта, особенно в фазе боевых действий. Современная отечественная журналистика, как и российское общество, воспитанная в условиях тоталитарного режима, на коммунистической идеологии, оказалась неготовой к той роли, которая отводится СМИ в демократическом обществе. Степень свободы прессы проверяется в моменты кризиса. В этой связи война в Чечне поставила ряд серьезных вопросов относительно способности властей соблюдать принципы открытости информации и готовности СМИ действовать объективно в экстремальных условиях. Вопрос не в том, позитивна или негативна передаваемая информация, а в том, что главным критерием оценки работы СМИ в демократическом обществе является критерий достоверности и полноты предоставляемой информации [4].

Об этом же пишет в своей книге «Прыжок одинокого волка» бывший корреспондент газеты «Красная звезда» по Северному Кавказу Николай Асташкин:

> Декабрь 1994 года. Моздок. Война в Чечне идет полным ходом. Но все, что происходило в то время в войсках, для журналистов оставалось тайной за семью печатями. Мы сидели сложа руки в Моздоке, питаясь в основном дезинформацией и еще чем бог пошлет. Из различных источников до нас доходили сведения, что войска несут потери, убитых и раненых отправляют самолетами и вертолетами во Владикавказ, Ростов-на-Дону, другие города, где имелись военные госпитали, а пресс-секретарь министра обороны России Агапова с улыбкой отвечала на это: да нет же, все идет нормально [2].

Наличие пресс-центра далеко не всегда способно удовлетворить запросы журналистов на информацию. Ведь задачей пресс-центра является формирование у представителей СМИ именно той точки зрения, которая устроила бы ведомство, которое представляет пресс-центр. Выглядит вполне естественным, что, лишаясь официальных каналов информации, журналист начинает работать там, где ему дают работать, и пользуется той информацией, которая лежит рядом. Опасность здесь состоит в том, что уровень объективности его материалов будет определяться уровнем объективности тех, кто такую «легкую» информацию ему передает.

Таким образом, журналисты сталкиваются с ***проблемами проверки достоверности получаемой информации, существует опасность стать рупором намеренной дезинформации***, часто передаваемой журналистам для дезориентации противника. Именно от умения проверить поступающую информацию,

сделать правильные выводы из противоречивых фактов и сообщений зависит объективность журналиста, работающего в сложной обстановке боевых действий, техногенной или природной катастрофы.

В серьезных иностранных СМИ принято проверять информацию как минимум по двум источникам. В последнее время такого же подхода требуют и качественные российские издания. Предосторожности выглядят вполне оправданными. Все стороны конфликта стремятся представить ситуацию в выгодном для себя свете: преуменьшить потери своих войск и преувеличить потери противника, оправдать ведение боевых действий. Если же речь идет о техногенной катастрофе — власти часто стремятся преуменьшить ее значительность, показать, что масштаб произошедшего невелик и не угрожает большому количеству людей. Примером такой работы могут служить действия военного пресс-центра, описанные в материалы В. Федорова:

> Два капитана занимаются черновой работой: принимают сомнительного содержания официальные сводки, придумываемые в далеком окружном штабе... Пройти в пресс-центр даже известному журналисту теоретически невозможно — пропуска не выдают. Для нашей братии выделена палатка, из которой по утрам выборочно вытаскивают группы для полетов на передовую. Человек по восемь. Принцип отбора прост — понравилась или не понравилась полковнику Фирсову статья, фотография или телерепортаж. Оставшиеся в палатке мучаются извечным вопросом «Что делать?» — ведь в редакции ждут материал — и с надеждой смотрят на каждого военного, входящего в палатку [8].

Методов проверки информации достаточно много, и при определенном упорстве, соединенном с некоторыми навыками, проверке может быть подвергнут любой сообщенный журналисту факт. Как должен действовать военный корреспондент, которому попало в руки некое сенсационное сообщение? Прежде всего, свериться с имеющимися документами. Любыми, проливающими свет на ситуацию. Это может быть удостоверение личности, официальное донесение, летная книжка, карта. В ряде случаев журналисту может предоставиться возможность изучить и иные документы: служебные аттестации и характеристики, представления к назначению и награждению (в последних обычно содержится описание подвига, за который военнослужащего или гражданское лицо представляют к награде). Большое значение имеют личные дела военнослужащих, госпитальные документы, письма и дневниковые записи, документы ветеранских общественных организаций, документы, хранящиеся в музейных фондах.

Если терпит время, можно обратиться в архивные органы, например, Центральный военный архив Министерства обороны.

Среди коммуникативных методов проверки поступающей информации — опросы сослуживцев и свидетелей, беседы с коллегами по общественной деятельности, получение нужной информации от экспертов.

Нужно учиться сопоставлять официальную информацию и ту, что дают неправительственные организации, имеющие, как правило, своих информаторов и свои методики подсчета. Вопреки устоявшемуся мнению, оценки государственных организаций обычно оказываются точнее. Каждый военный конфликт дает массу новых примеров, подтверждающих это утверждение. Грузи-

но-осетинская «пятидневная» война августа 2008 г. в этом смысле не исключение. Вот что пишут об этом в материале «Сквозь войну» военные корреспонденты журнала «Русский репортер» Игорь Найденов и Вячеслав Кочетков:

> Грузинские телеканалы передают, что взорван Рокский туннель и сообщение между Осетиями прервано.
>
> — Врут, – убежденно говорит директор нашей гостиницы и переключает кнопки в поисках российских каналов. Находится «Вести-планета». (В Тбилиси у многих есть спутниковые тарелки, так что нет проблем с тем, чтобы узнать российскую точку зрения.) Видит остановившуюся строку, сообщающую ему, что в Южной Осетии погибли 2000 мирных жителей.
>
> — Врут, – не менее убежденно говорит он и выключает телевизор [7].

Исключительно важными для проверки поступающей информации становятся свидетельства очевидцев, особенно если в этих свидетельствах имеются детали, доказывающие, что рассказчик видел все, что называется, собственными глазами. Еще лучше, если очевидцем является сам журналист. Приведем пример из материала корреспондента газеты «Аргументы и факты» В. Кожемякина, работавшего в Цхинвале во время грузино-осетинского конфликта в августе 2008 г.:

> Навстречу, виляя по дороге, несется «Газель» «скорой» с выбитыми стеклами и сорванной дверцей. На кузове — пулевые отверстия. В салоне — две раненые женщины и девочка детсадовского возраста с перебинтованной ручкой. Остальные — ополченцы. «По дороге бьют прямой наводкой, — предупреждают они. — Даже по Красному Кресту...». Вдоль дороги — гарь, подбитые танки и сгоревшие дома. Остовы еще дымятся. От развалин, опираясь на палку, медленно ковыляет седой старик в разорванной рубашке. Его лицо в копоти. «Помогите похоронить жену! Мне самому не осилить...» [6].

Для понимания ситуации и проверки достоверности поступающей информации имеют большое значение бэкграундовые материалы. Например, справочные материалы исторического характера. К примеру, для того чтобы понять смысл политического кризиса в Таиланде в 2006 г., приведшего к крупномасштабным волнениям, необходимо изучить историческую подоплеку: «*За опальным премьером — немалая народная поддержка. 14 миллионов тайцев поддерживают Таксина, примерно 12 миллионов — против него. Страна практически раскололась. Демократия "по-тайски" — это бесконечный порочный круг, который состоит из выборов, коррупции, военного переворота, затем принятия новой конституции и потом — все по новой. И так с 1932 года*», — публикация Т. Хантонга в журнале «The New Times» [9]. Ценны для оценки происходящего и сопоставления поступающей журналисту информации и статистические справки, регулярно даваемые в выступлениях перед журналистами должностными лицами вооруженных сил, участвующих в конфликте: «*Пятидневная война закончилась, и уже можно подводить какие-то промежуточные итоги. По словам заместителя начальника Генерального штаба Анатолия Ноговицына, потери Российской армии составили 74 человека погибшими, 171 раненными и 19 без вести пропавшими*» [3]. Цифры и факты, обнародуемые во время таких выступлений, являются официальными и вполне могут послужить основой для

аналитических выводов. Журналисту достаточно трудно ориентироваться в соотношении сил, так как военные используют для планирования операций и оценки возможностей противника сложные коэффициенты и формулы.

Справочная информация особенно важна в случае, если журналисту приходится использовать в своем материале сложную, малопонятную для читателя или зрителя терминологию, без которой трудно, например, пояснить какие-то аспекты вооруженного конфликта. Примером может послужить отрывок из корреспонденции газеты «Независимое военное обозрение», автор которой анализирует проблемы применения российскими войсками в грузино-осетинском конфликте высокотехнологичного оружия:

> Казалось бы, наши Военно-воздушные силы имеют широкий спектр различных по конструкции, характеристикам и способам наведения высокоточных боеприпасов. Да еще в количестве, позволяющем неограниченно применять их в военных конфликтах любого масштаба. Да, это так. Но... Дальность пуска (9–12 км) корректируемых авиационных бомб КАБ-500Л и КАБ-1500Л (с лазерным наведением) и КАБ-500Кр (с телевизионным наведением), управляемых авиационных ракет Х-25МЛ, Х-29Л, означает, что бомбардировщикам Су-24М и Ту-22М3 приходится действовать в крайне опасной для них зоне неуничтоженной ПВО.
>
> Между тем наличие дальнобойных высокоточных средств поражения (ДВС) позволило бы уже в первые часы конфликта нейтрализовать системы связи, боевого управления и разведки, а также наиболее боеспособные войска и силы Грузии. Будь у российской авиации ДВС, она принудила бы агрессора к миру в кратчайшие сроки, без захода в зону грузинской ПВО [7].

Очевидно, что приведенные справочные данные говорят о многом. В частности, о недостаточно высокой технологической оснащенности российских ВВС.

Разумеется, для того чтобы работать с такими бэкграундовыми элементами, журналисту придется достаточно глубоко вникнуть в тему. Но и ценность аналитики, опирающейся на столь широкую фактологическую базу, очень высока.

Суть проблем, стоящих перед журналистом, кроется в его ***обязанности оставаться объективным***, вне зависимости от своих политических, религиозных, патриотических и иных убеждений и установок быть непредвзятым и неангажированным.

Как справедливо отмечают исследователи и практики, «не бывает журналистики стопроцентно объективной и беспристрастной, как не бывает журналистики независимой, без изъянов. Другое дело, что объективность, беспристрастность и независимость — это те идеалы, к которым нужно и можно стремиться» [4]. Каждый человек является носителем тех или иных морально-нравственных установок, и журналисты в этом смысле не исключение. Однако пристрастия не могут быть причиной заведомой необъективности. Правда в интересах пишущего не будет адекватно воспринята читателем, как бы талантливо ни был подготовлен материал. Тем более если речь идет о ситуациях, связанных с человеческим горем.

Недобросовестность журналиста, его пристрастность могут проявиться и в интерпретации фактов: в выдвижении заведомо ложных альтернатив (например, «или признание Дудаева и независимость Чечни, или гражданская война

по всему Кавказу»), в проведении некорректных обобщений (например, «русские воюют с кавказцами»). В любом случае это абсолютно недопустимо.

1. *Амиров В. М.* Журналистика экстремальных ситуаций : конспект лекций. Екатеринбург. 2008.

2. *Асташкин А.* Прыжок одинокого волка. Хроники времен Джохара Дудаева. Ростов н/Д, 2003.

3. *Бабченко А.* Это самое паскудное — относиться к смерти как к работе // Новая газ. 2008. 18 авг.

4. *Князев А. А.* Журналистика конфликта // Пособие : материалы семинара повышения квалификации журналистов, работающих по освещ. регион. и локальных конфликтов. Бишкек, 11–13 июня 2001 г. Бишкек, 2001. С. 6.

5. *Кожемякин В.* Эта рана не заживет долго // Аргументы и факты. 2008. № 33.

6. *Кочетков В., Найденов И.* Сквозь войну // Русский репортер. 2008. № 31. С. 9.

7. *Растопшин М.* К бесконтактным операциям не готовы. Российские войска использовали в Южной Осетии устаревшее оружие // Независимое военное обозрение. 2008. 15–21 авг.

8. *Федоров В.* Шаг влево, шаг вправо... или Пресса на войне [Электронный ресурс] // Военная библиотека Федорова. URL: http://www.warlib.ru/index.php?id=000017 (дата обращения: 11.02.2010).

9. *Хантонг Т.* Революция: тайский стиль // The New Times. 2008. № 15.

Статья поступила в редакцию 15.01.2011 г.

УДК 070:008 + 002.52 + 004.738.5

Е. В. Олешко

ЖУРНАЛИСТИКА И КУЛЬТУРА: МОДЕЛИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ

Исследуются различные модели информационного взаимодействия в современном обществе, роль массмедиа в данных процессах, представлены различные подходы к определению информационной культуры. Особое внимание обращается на факторы, динамизирующие практическую реализацию моделей информационного взаимодействия СМИ и аудитории.

Ключевые слова: информация, информационная культура, Интернет, СМИ, аудитория, интерактивность.

Возникновение новой модели информационного взаимодействия в современном обществе — журналистики как социального института и культуры обусловлено несколькими факторами. В первую очередь процессами глобализации и перманентного технологического развития средств передачи информации.

ОЛЕШКО Евгений Владимирович — ассистент кафедры периодической печати Уральского государственного университета им. А. М. Горького (e-mail: fury_rebel@mail.ru).

© Олешко Е. В., 2011